

А.В. Резаев, В.С. Стариков

КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рецензия на книгу: Norkus Z. On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania. A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-Communist Transformation. Apostrofa, CEU Press, 2012. 375 p. ISBN: 978-615-5053-50-4

«В России сегодня делается не политика, а история. За нами исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поколений» (Гайдар 1997: 6). Этими словами начинается книга одного из «отцов-основателей» нынешней российской экономики Е.Т. Гайдара. Десять лет, которые прошли с момента написания этих строк, — небольшой, но достаточный промежуток для осмысления произошедших изменений и формулирования не только вопросов (которых и так было задано уже немало), но ответов и аргументированных объяснений. Двадцатилетие «развала», «краха», «коллапса» коммунистических режимов активно обсуждается в публицистике и средствах массовой информации, однако ответственные социальные ученые, обычно чуткие к круглым датам, демонстрируют почти полную потерю слуха. В период 2010—2013 гг. (время 20-летия «развала») в ведущих российских журналах было опубликовано всего 8 статей по данной проблематике. Единственное исключение составляет журнал *Laboratorium*, посвятивший один из номеров антропологическим исследованиям постсоциализма («Социальные миры постсоциализма»: № 1 за 2013 г.). В англоязычной литературе можно выделить специальный выпуск профильного издания *Communist and Post-Communist Studies*, посвященный дезинтеграции Советского Союза, который начинается и заканчивается привычным вопросом «Quo Vadis?»

Единственный голос, мощно нарушивший эту тишину на постсоветском пространстве, принадлежит Зенонасу Норкусу — литовскому социологу, философу, социальному аналитику, который в 2012 г. выпустил книгу «*Балтийская Словения и Адриатическая Литва: качественный сравнительный анализ посткоммунистических трансформаций*». Следует отметить, что это не первая работа Норкуса, посвященная анализу исторических развилок посткоммунизма: на

Резаев Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (rezaev@hotmail.com)

Rezaev Andrey — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (rezaev@hotmail.com)

Стариков Валентин Сергеевич — аспирант кафедры сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (starikov.valentin@gmail.com)

Starikov Valentin — Post-Graduate Student, Department of Comparative Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (starikov.valentin@gmail.com)

литовском языке уже опубликована книга «Kokia demokratija, koks kapitalizmas?» («Какая демократия, что за капитализм?») (Norkus 2008). Вместе с тем цель представленного исследования гораздо более амбициозна: работа претендует на создание общей теории посткоммунистических трансформаций, и следует признать, что подобная постановка вопроса является беспрецедентной в академической науке, даже учитывая широкий статус предметной области.

Надо сразу же отметить, что объем проделанной автором работы, тщательность и детализация анализируемого материала обуславливают сложности рецензирования данного произведения. Настоящая рецензия обращена, прежде всего, к широкой аудитории академических читателей, а не только к тем, кто вовлечен в анализ посткоммунистических трансформаций. Наша цель — выделить формально-содержательные характеристики, продемонстрировать достоинства исследования и его спорные моменты, которые представляют интерес для любого ученого, работающего в русле сравнительной социальной аналитики. Данная установка будет реализована в двух плоскостях: теоретико-методологической и методической.

Главная методологическая находка книги З. Норкуса — это дизайн исследования. Основной целью работы выступает исследование одного случая — а именно, анализ начальных условий и особенностей процесса обратного перехода Литовской республики из «коммунизма» в «капитализм» и выделение множества возможных результатов данного перехода. Вместе с тем З. Норкус предполагает, что достижение поставленной цели невозможно вне общей теории посткоммунистической трансформации и формирования «инновационного как в теоретическом, так и в методологическом плане» проекта, который бы органически соединял разнородные подходы к анализу современного посткоммунистического пространства (Norkus 2012: 17). Дизайн исследования выстраивается по своеобразной «спирали», которая «закручивается» импульсом четырех вопросов: Что определяет результаты перехода из коммунизма в капитализм? (сравнение всех стран). Насколько Балтия соответствует предложенной схеме? (исторический анализ стран балтийского региона). Почему исторически и географически похожие страны занимают сегодня разные позиции? (сравнение Литвы и «успешной» Эстонии). Возможен ли был иной исход трансформации? (сравнение Литвы и Словении как наиболее развитой посткоммунистической страны).

Изучение Литвы, таким образом, происходит через постоянное соотношение с другими случаями. Данный подход выгодно отличает представленную работу от исследований авторов, которые фокусируются на историческом материале одной страны в попытках сконструировать обоснованную и надежную теорию трансформации, что очевидным образом сказывается на результате.

Сравнительная методология всегда накладывает дополнительные сложности на исследовательскую работу. В первую очередь, это связано с необходимостью формирования эквивалентности сравниваемых феноменов, обоснования самой возможности представления их в категориях *cases and instances*. В конкретном случае литовский социолог решает эту задачу с помощью нескольких ограничений.

Первое ограничение связано с определением объекта исследования: автор не рассматривает «коммунизм» в собственных терминах — вместо этого в фокусе

внимания З. Норкуса оказывается ограниченный набор идеологических, социально-экономических и политических характеристик исследуемого явления. С одной стороны, данный подход позволяет уйти от философских дебатов вида «соответствовал ли режим послевоенного СССР марксистской идеологии?» С другой стороны, *этическая* позиция формирует *универсальный* описательный каркас, определяющий основание и критерии сравнительного анализа. Кроме того, указанный подход дает автору возможность вывести за скобки сложную проблему определения момента начала трансформационного процесса; достаточным оказывается присутствие любого из трех универсальных условий: отказ от марксизма-ленинизма как официальной идеологии *или* потеря коммунистической партией монополии на власть *или* начало функционирования рыночной экономики.

«Универсальный» — не значит «универсалистский». Исходной точкой является тезис о разнообразии коммунистических режимов, из которого следуют ограниченность всякого одномерного подхода: коммунизм это *не только* тоталитарный строй, *не только* модернизационная сила, *не только* процесс формирования неотрадиционного общества... Тем не менее, всякий отдельный случай коммунизма может быть описан с помощью ограниченного набора характеристик, которые в значительной степени определяют результаты последующей трансформации. Данная позиция, разумеется, не нова: сам Норкус отталкивается от известной типологии коммунистических режимов Герберта Китшелта, который связывал преобладание того или иного типа с современной политической ситуацией в посткоммунистических странах (Kitschelt et al 1999). Норкус принимает данную типологию, однако использует ее в первую очередь для объяснения идеологической ориентации на момент начала трансформации.

Вторым ограничением выступает временной промежуток исследования: анализ трансформации постсоветских государств автор ограничивает десятилетием с момента выполнения одного из трех условий (отказ от марксизма-ленинизма, ликвидация монополии на власть или появление рыночной экономики). З. Норкус не принимает господствующий в современной науке способ концептуализации посткоммунистической трансформации — транзитивный подход (сам автор называет его парадигмой). Ключевая особенность последнего — понимание перехода как целеориентированного стремления государств проигравшего коммунизма к единой точке, в которой сходятся либеральная демократия и рациональный предпринимательский капитализм. Социолог рассуждает с иных позиций и предлагает рассматривать посткоммунистическую трансформацию как *историческую последовательность выхода из коммунизма (exit from communism)*, результат которой *вторичен* по отношению к самому процессу перехода (Norkus 2012: 44).

Ученый не указывает, почему в качестве интервала следует использовать именно декаду, однако в контексте авторских установок этот вопрос не является существенным. Может показаться, что заданный временной интервал снижает потенциал разрабатываемой З. Норкусом теории. Автор «снимает» эту проблему через введение *третьего ограничения*. Он пишет, что «хорошая (строгая) теория должна быть детерминистской...» (Norkus 2012: 63). Здесь необхо-

можно отметить, что в социальных науках термин «детерминизм» используется в специфическом значении — как способ связи объясняющих факторов и объясняемого явления, при котором связь носит инвариантный характер и выражается в терминах необходимости и / или достаточности (Ragin, Zaret 1983: 744; Lieberson 1991: 1228; Skocpol 1984: 378). Это означает, что сформулированные автором каузальные паттерны, согласно им же принятой концепции причинности, *обязаны* сохраняться и вне рамок исследуемого периода. Таким образом, временные рамки анализа являются условными и служат лишь для определения границ исследуемых случаев.

Подведем промежуточные итоги. З. Норкус 1) определяет коммунизм через ограниченный набор универсальных признаков (идеология, политический и экономический режим); 2) ограничивает трансформации десятилетием с момента изменения одного из этих признаков; 3) придерживается принципа детерминизма, т. е. стремится к поиску причинно-следственных связей, выражаемых в терминах необходимых и достаточных условий. Таковы предпосылки для реализации собственно сравнительного исследования посткоммунистических трансформаций. Для этого, в свою очередь, автору необходимо выделить *начальные условия и результаты трансформации*, поиск связей между которыми и составляет основную задачу его исследования.

З. Норкус выделяет несколько начальных условий, которые должны *детерминировать* пути и результаты выхода из коммунизма к десятилетнему рубежу: политическая ориентация (orientation of post-communist transformation), экономический режим (economic mode), политический режим (political mode). Каждый из указанных факторов представляет собой номинальную либо порядковую шкалу с четырьмя делениями.

Номинальная шкала «политическая ориентация» основана на выделенных Мариусом Шалаускасом четырех дискурсах социальных изменений: обновленческий (continuational), восстановительный (restitutive), имитационный (imitative), инновационный (innovative) (Norkus 2012). Каждая из ориентаций представляет собой озвученное элитами и «социальным воображением» направление движения страны, фиксируемое на первых выборах после начала процесса перехода.

Шкала «экономический режим» является порядковой. Автор признает господствующую в литературе дихотомию «реформы — терапия» как несостоятельную и последовательно обосновывает данный тезис на эмпирическом материале. Итоговая шкала имеет четыре деления в зависимости от глубины рыночных реформ: минимальные, частичные (gradual), инкрементальные (gradual-incremental), и «шоковая терапия». Для каждого из 29 исследуемых случаев определяется характер реформ отдельно с использованием рейтингов ВБРР (Norkus 2012: 86).

Шкала «политический режим» является номинальной и представлена четырьмя множествами: консервативный режим, «реформы сверху», «революция снизу», революция (refolution, неологизм для обозначения процесса проведения реформ через взаимодействие авторитарной элиты и оппозиции). Вопрос об успешности демократических реформ решается автором через обращение к индексу Polity IV.

Теоретическая конструкция литовского ученого завершается построением таксономии состояний исследуемых случаев после выхода из коммунизма. Не претендуя на «великий синтез», данный фрагмент, тем не менее, представляет собой адаптацию теоретических наработок множества различных подходов. Итогом проделанной работы выступает не оригинальная концепция, но тщательная и скрупулезная *классификация капиталистических режимов* на начало XXI в. Все типы капитализма подразделяются Норкусом на две категории: «старый», или рациональный предпринимательский (здесь автор воспроизводит идею подхода Varieties of Capitalism о существовании двух основных режимов функционирования экономики — либеральная рыночная экономика и координированная рыночная экономика) и посткоммунистический. Последний, в свою очередь, существует в четырех типах: описанный в работах неоклассиков олигархический «капитализм сверху», сочетающий в себе черты капитализма и социализма «гибридный капитализм», возникший в научном дискурсе как альтернатива неолиберальной концепции «капитализм из ниоткуда» (capitalism from without), также называемый автором «экономикой зависимого рынка» (“dependent market economy”). Последний тип в заключительных главах детализируется двумя подтипами — «Веберовско-Портерианским» и «Веберовско-Фридманским» капитализмами.

Теоретические и методологические построения З. Норкуса, характеризованные выше, служат одной исследовательской цели — выявлению «путей и паттернов посткоммунистической трансформации». Главное *методическое* достоинство исследования сопряжено с избранным автором методом достижения этой цели. Анализ процессов перехода к капитализму традиционно ассоциируется с использованием количественного подхода (см., напр.: Knell, Srholec 2007; Cernat 2006; Hall, Gingerich 2009). В данном исследовании читатель сталкивается с совершенно иным способом работы с эмпирическим материалом — *качественным сравнительным анализом**.

Интерес автора к качественному сравнительному анализу (qualitative comparative analysis, КСА) определяется, конечно, не его новизной для исследовательской области, но теми возможностями, которые получает социальный ученый. Ошибочно отождествлять КСА с методом: как отмечает сам З. Норкус, это скорее «аналитический инструмент» или «каркас» взаимодействия теории и эмпирии, позволяющий сравнивать явления по отдельным параметрам (в данном исследовании — по трем начальным условиям), сохраняя при этом целостность каждого случая. Создатель этого инструмента, Ч. Рагин, определяет его как синтетическую стратегию сравнения, которая объединяет достоинства исследований, ориентированных на случаи и на переменные (Ragin, Zaret 1983; Резаев, Трегубова 2012), и усиливает потенциал социологической теории (Ragin).

* Рецензируемая книга представлена в качестве образца методологически и методически корректного применения качественного сравнительного анализа четких множеств на сайте международной ассоциации «Сравнительные методы систематического межкейсового анализа» (COMPASSS): [<http://www.compass.org/books/bookAppEN.htm>].

Какие возможности открывает КСА перед исследователем? Во-первых, автор стремится выделить причины различного положения стран в выделенный промежуток времени, т. е. проводит не дескриптивное, но *каузальное* исследование (Norkus 2012: 13). Во-вторых, З. Норкус принимает тезис об *отсутствии каузальной симметрии* в социальном мире: если событие А вызывает событие В, это вовсе не означает, что В может вызывать А*. В-третьих, ученый предполагает, что существует множество путей трансформации, основанных на комбинации небольшого числа условий. Такая позиция признает существование *множественной конъюнктурной каузальности*, с которой не могут работать традиционные количественные и качественные методы. КСА позволяет реализовать все интенции литовского социолога: выявлять причинно-следственные связи, работать как с причинами, ведущими к наличию и к отсутствию результату, а также работать с множественными паттернами посткоммунистической трансформации.

Наконец, целью исследователя является создание теории с *высоким прогностическим потенциалом* (Norkus 2012: 188). Для этого в анализ необходимо включать случаи, которые *не встречаются* в эмпирической реальности**. Обращение к явлениям, которые не наблюдаются эмпирически, требует, в свою очередь, включения более широкого круга случаев, демонстрирующих интересующие ученого условия (Rubin). Подобная установка — крайне непривычна для «ортодоксального» исследователя, оперирующего только имеющимся эмпирическим материалом. Между тем качественный сравнительный анализ является *логическим методом*, а потому наследует детерминистскую трактовку причинности, о которой было упомянуто выше (связь должна существовать, даже если само явление не зафиксировано в природе). Кроме того, в основе данного инструмента лежит теория множеств, позволяющая оперировать допустимыми, но не существующими в природе отношениями.

Методическая новизна книги становится еще более очевидной, если принять, что перед нами историко-социологическое исследование. В серии более ранних работ З. Норкус высказывал скептическое отношение к доминирующему типу научного поиска, который определял как «механистический поворот» (*mechanismic turn*) (Norkus 2005; 2007). Центральная стратегия объяснения в исторической социологии — это выделение *последовательностей уникальных событий* и формирование на их основе каузального механизма (Tilly 2001).

* На это указывает, в частности, перечень авторских вопросов для конечного анализа — все они являются дуальными, охватывают и присутствие, и отсутствие явления. Например, *Какие условия являются достаточными для быстрой трансформации от коммунизма к либеральному демократическому капитализму?* и *Какие условия определили отсутствие быстрой трансформации от коммунизма к либеральному демократическому капитализму?*

** Это видно уже из названия: «Балтийская Словения и Адриатическая Литва» — классический оксюморон, иллюстрирующий способ формирования и проверки гипотез и построения прогнозов в исторической социологии, когда ученый прибегает к мысленному эксперименту *“as if”*, с необходимостью использующему контрафактический анализ.

По мнению З. Норкуса (его критика обращается в первую очередь к фигуре Ч. Тилли), данная стратегия заведомо уязвима, ибо представляет явление как результат взаимосвязанных, но случайных и нестабильных эпизодов (Norkus 2005: 371). Как следствие, автор выбирает иную стратегию объяснения: сначала литовский социолог выделяет *общие паттерны* посткоммунистической трансформации, а уже после этого формулирует специфический каузальный механизм для искомого случая (Литвы). Данный подход также открыт для критики (к чему мы обратимся ниже), однако, без сомнения, имеет право на существование и заслуживает внимания читателей.

Результатом проведенного З. Норкусом анализа (каждый шаг которого тщательно документируется автором) выступает *набор объяснительных моделей*, отвечающих на поставленные самим исследователем вопросы. Так, в качестве причин возникновения олигархического капитализма и одновременного провала рационального предпринимательского капитализма в России* социолог называет миметическую ориентацию элит и населения, «реформы сверху» и «шоковую терапию».

Дизайн исследования — выбор КСА в сочетании с фокусом на макросоциальных причинах посткоммунистических трансформаций — имеет и обратную сторону. Результаты, полученные З. Норкусом, чрезмерно детерминированы: перед нами модель, в которой нет места агентности. Фактически, представленная теория заиклена на инерционности (path-dependency), своеобразной «дурной бесконечности» изначально выбранного пути развития. Неужели действительно единственный урок истории в том, что никто не извлекает уроков? Ответ литовского социолога отрицательный, но от того не менее мрачный: история позволяет увидеть, где была совершена ошибка, однако исправить ее уже вряд ли удастся. Щедро цитируемый автором Г. Китшелт, которого после выхода книги «Post-Communist Party Systems» упрекали в подобном пренебрежении к возможностям и свободе человека, впоследствии отмечал: «хотя инерционность является важной особенностью... изменений, она никогда не исчерпывает все богатство истории» (Kitshelt 2003: 82).

Указанный недостаток, тем не менее, несоразмерен масштабу и объему исследования. Книга З. Норкуса представляет собой блестящий образец сравнительного социологического исследования в проблемном поле экономической социологии. Обыкновенно социальные ученые идут по пути непротivления: на знакомом материале они конструируют теории, которые в дальнейшем пытаются применить к иным случаям. Нередко это вырождается в поиск «удобных» фактов и деформацию истории вместо ее реконструкции. Зенонас Норкус, используя детерминистскую аргументацию, виртуозно сочетает дедуктивное и индуктивное исследование: постулируя, что «данная теория разработана в качестве инструмента для анализа одного случая», автор начинает

* Следует отметить, что в большинстве итоговых расчетов случай России не встраивается в общий тренд и демонстрирует особые каузальные связи. Согласно Б. Риу и Ч. Рагину, подобный результат может как свидетельствовать в пользу выделения случая для отдельного анализа, так и сигнализировать о недостаточной проработанности авторской объяснительной схемы (Rihoux, Ragin 2009).

с крупномасштабного сравнения и постепенно уменьшает масштаб, уточняя и развивая собственную теоретическую схему в постоянном соотношении с похожими и различными кейсами. В результате мы обладаем жизнеспособной, верифицируемой, детализированной объяснительной моделью посткоммунистической трансформации, не «робеющей» перед главным противником любой теории — эмпирической реальностью. В этом и состоит наиболее важное достоинство книги З. Норкуса: перед нами образец того, каким *должно быть* качественное сравнительное социологическое исследование.

Литература

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997.

Резаев А.В., Трегубова Н. Сравнительный анализ в социологии: уровни применения и концептуальные проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012, 4(63), с. 44–62.

Cernat L. *Europeanization, Varieties of Capitalism and Economic Performance in Central and Eastern Europe*. New-York: Palgrave Macmillan, 2006.

Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy, *British Journal of Political Science*, 2009, 39(3), pp. 449–482.

Kitschelt H. Accounting for Postcommunist Regime Diversity. What Counts As A Good Cause?, in: G. Ekiert, S.E. Hanson (eds.) *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 49–86.

Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-Party Competition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Knell M., Srholec M. Diverging Pathways in Central and Eastern Europe, in: D. Lane, M. Myant (eds.) *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. Houndsmill: Palgrave, 2007, pp. 40–62.

Lieberson S. Small Ns and Big Conclusions — an Examination of the Reasoning in Comparative-Studies Based on a Small Number of Cases, *Social Forces*, 1991, 70(2), pp. 307–20.

Norkus Z. Mechanisms as Miracle Makers? The Rise and Inconsistencies of the “Mechanismic Approach”, *History and Theory*, 2005, 44(3), pp. 348–372.

Norkus Z. Troubles with Mechanisms: Some Problems of the ‘Mechanismic Turn’ in Historical Sociology and Social History, *Journal of the Philosophy of History*, 2007, 1(2), pp. 160–200.

Norkus Z. *Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistinė transformacija Lietuvoje lyginamosios istorinės sociologijos požiūriu*. Mokslinė monografija. Vilniaus universiteto leidykla, 2008.

Norkus Z. *On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania. A Qualitative Comparative Analysis of Post-Communist Transformations*. Apostrofa, CEU Press, 2012.

Ragin C.C., Zaret D. Theory and Method in Comparative Research — Two Strategies, *Social Forces*, 1983, 61(3), pp. 731–54.

Rihoux B., Ragin C.C. *Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. Thousand Oaks: Sage, 2009.

Skocpol Th. *Vision and Method in Historical Sociology*. New York: Cambridge University Press, 1984.

Tilly Ch. Historical Analysis of Political Processes, in: *Handbook of Sociological Theory*, ed. J.H. Turner. New York: Kluwer, 2001.